

— Она смеялась безумно, и все её движения совершенно не соответствовали возрасту — на вид ей было не больше семи лет.

Я смотрел на неё с искренним гневом.

— Мои дедушка и бабушка вовсе не сумасшедшие! Это ты сумасшедшая, а не они. Они ко мне очень добры, куда добрее, чем мои отец и мать.

Она холодно усмехнулась:

— Всего лишь ребёнок, лишённый любви. Ты жаждешь родительской ласки? Ха! Посмотри на меня, посмотри, вот к чему приводит эта отцовская и материнская любовь.

Её глаза налились алым, и она чеканила каждое слово так, будто собиралась проглотить меня целиком:

— Смотри же, ха-ха-ха-ха!

Я не нашёлся что ответить. Да, мне не хватало родительской любви, но эта девчонка явно тронулась умом оттого, что её мать убила её отца.

Джокер [Экстра] Печаль клоуна понятна только маске (2)

— Чёрт, почему я снова поддаюсь этому чувству? Я ведь должна была давно всё забыть... О, чуть не забыла, я ведь ещё не сошла с ума, — Трейси выдавила из себя насмешливую улыбку, и я почувствовал, сколько в ней было горечи.

Она потеряла обоих родителей, а у меня они всё ещё есть. Наверное, я счастливчик, ведь у меня есть такие любящие дедушка и бабушка. У неё же не осталось никого, так что её состояние вполне объяснимо, — я продолжал убеждать себя в этом.

У меня не было никакого желания интересоваться экспериментами дедушки и бабушки. В конце концов, если их не убьют в ходе опытов, то всё равно запрут в клетке, как псов.

Сейчас мне хотелось лишь лечь спать и забыть обо всех этих тревожных мыслях.

— Где моя комната? — её тон внезапно изменился. В глазах больше не было того безумия, лишь пугающее спокойствие.

Я покачал головой:

— Не знаю. Обычно комнаты для новых ребят распределяет бабушка.

— Тогда поводи меня здесь, — Трейси посмотрела на обветшалое здание приюта, и её эмоции остались для меня загадкой.

— Хорошо, — ответил я вполголоса. Я боялся задеть её, ведь, по моим ощущениям, если она разозлится, то будет не хуже любого демона из ада.

Я провёл Трейси по развалинам приюта. По пути нам то и дело попадались странные дети — несчастные, которые не были безумцами, но которых довели до этого состояния.

— Фух... — кто-то тяжело задышал.

Затем я услышал звук карабкающегося по стене человека. Сердце радостно подпрыгнуло — я знал, кто это! Это брат Пирсон!

Я бросился к источнику звука, Трейси молча последовала за мной.

И правда, это был брат Пирсон.

— Брат Пирсон, как ты нашёл время прийти? Сестра-монахиня разрешила тебе выйти? — я с любопытством разглядывал воодушевлённого юношу. Он был моим кумиром! Он часто помогал таким, как я, хотя другие дети никогда не были благодарны. Впрочем, я слышал, что деньги, которые он тратил на приют, были «нечистыми».

Чушь! Это просто наглая клевета! Они наверняка просто завидуют брату Пирсону!

Пирсон взъерошил мои огненно-рыжие кудри, в его глазах промелькнула усталость.

— Малыш, твой брат тут... разбил сердце.

В его взгляде столько тоски, что мне стало невыносимо жаль его.

— Что такое разбитое сердце? Если оно приносит столько боли, может, просто не нужно его иметь? — я не мог вынести вида своего героя в таком отчаянии.

Стоявшая позади Трейси издала насмешливое фырканье:

— Любовь? Это просто слова, которые можно бросать на ветер, не имея под собой никакой гарантии.

Я понял, что дело плохо — Трейси снова начала проявлять характер.

Пирсон только сейчас заметил маленькую девочку. На вид ей было семь, но как она могла понимать больше, чем я?

— Ты... тоже сирота, которую сюда отправили? — в его голосе звучало сомнение. Он осмотрел одежду Трейси: она совсем не походила на бродяжку, скорее на дочку богатых родителей.

Трейси улыбнулась:

— Допустим. Что с того?

Она признала, что её бросили, причём сделала это так спокойно. В её глазах не было печали, только то самое безумие.

Пирсон опустил взгляд:

— Я вытащу вас отсюда, — спустя долгое время произнёс он, словно давая клятву верности.

Трейси, казалось, не оценила его порыва:

— Спасти нас? Чем ты собираешься спасти? Думаешь, ты ангел, способный вытащить из бездны тех, кто уже стал демонами?

Она снова разволновалась, дыхание участилось, а глаза стали мрачными, как у настоящего дьявола.

Я возмущённо вскрикнул:

— Почему это мы демоны? Я не демон!

Трейси жутко усмехнулась:

— Ха-ха-ха, ты не хочешь признавать? Но ты в конце концов станешь одним из нас, и... очень скоро.

Её слова прозвучали как проклятие, перехватившее мне горло. Пирсон закусил губу:

— Да... я не ангел. Но кто сказал, что спасти могут только ангелы? Я приложу все усилия. Я всегда хотел принести вам свет.

В глазах Трейси мелькнуло удивление, но она тут же скрыла его.

— Свет? Свет — это пустота. Тьма куда лучше, ведь там, где нет надежды, не будет и падения в бездну. Что может свет? Ничего. Он лишь постепенно поглощается тьмой.

Я в изумлении смотрел на Трейси. Она была младше меня на два года, но знала гораздо больше... и почему я не понимал, о чём она говорит?

Трейси прижала к себе своего робота и ушла. Хотя она не знала, где её комната, она прошла весь путь с Джокером и почти запомнила планировку. С самого детства у неё была отличная память. Солнечный свет отбрасывал на её спину длинную тень.

Пирсон покачал головой:

— Что же пришлось пережить этому ребёнку? Её сердце, уже наполненное тьмой, продолжает искажаться... — пробормотал он, глядя ей вслед.

— Брат Пирсон... её мать убила отца, а она сама... можно сказать, косвенно стала причиной смерти матери, — я попытался объяснить всё Пирсону, но вышло как-то нескладно.

Пирсон задумчиво кивнул:

— Что ж, малыш Джокер, я пойду. Завтра навещу тебя. А ты присмотри за этой девочкой.

— Хорошо... — мне совсем не хотелось с ней возиться, но приказы брата Пирсона я выполнял беспрекословно. В конце концов, кумир — это святое.

Я смотрел, как брат Пирсон перелезает через стену. Это казалось таким крутым! Я сам пытался повторить это несколько раз, но каждый раз падал плашмя. Брат Пирсон, узнав об этом, смеялся и ерошил мне волосы, говоря, что я просто ещё слишком мал, а когда подрасту — обязательно перелезу и увижу мир по ту сторону.

Правда ли это? Смогу ли я когда-нибудь перелезть через эту стену? Я постоянно пытался вырасти, но в то же время боялся этого.

Я боялся, что внешний мир окажется не таким, как я мечтал. Другие дети рассказывали, что там ужасно: людей избивают, им нечего есть, приходится рыться в мусорных баках в поисках

объедков. От одной мысли об этом меня начинало тошнить.

Джокер [Экстра] Печаль клоуна понятна только маске (3)

Я вернулся в свою комнату. Хотелось забыть всё, что произошло. Эта маленькая девочка была просто пугающей — как будто само воплощение мести, сбежавшее из ада.

В голове был полный хаос, и я, лёжа на кровати, забылся тревожным сном.

Когда я очнулся, то почувствовал острую боль. С тыльной стороны ладони текла кровь, а бабушка, глядя на меня с ласковой улыбкой, держала шприц, наполовину наполненный моей кровью.

— О, мой дорогой маленький Джокер, ты проснулся, — пропела она, и этот нежный голос заставил меня на мгновение забыть о боли. Какая ирония: они так мучают меня, а я всё равно жажду этой извращённой любви.

— Да, бабушка, — послушно ответил я. Она небрежно вытянула несколько бумажных салфеток с тумбочки и прижала к моей руке. На белой бумаге расцвели алые пятна, выглядевшие пугающе ярко.

Синтия погладила меня по голове и с одобрением произнесла:

— Сегодня Джокер был очень послушным. Обработаешь рану и иди в столовую обедать.

Сказав это, она собралась уходить.

— Подожди... бабушка, — робко окликнул я. Я всё ещё боялся её, ведь, несмотря на внешнюю доброту, я видел и её жестокую сторону.

— М? Что такое, мой милый Джокер? — Синтия обернулась, и я отчётливо уловил в её глазах нетерпение.

— Та девочка... вчерашняя...

— О... я уже всё устроила. Джокер, не забивай себе голову, просто будь хорошим мальчиком.

Она улыбнулась, но от этой улыбки меня пробрал холод. Быть хорошим мальчиком — значит быть куклой, которая радуется, притворяясь, что у нас счастливая семья.

— Хорошо, — кивнул я, и Синтия вышла. Я быстро переоделся и побежал в столовую.

Приют был огромным, но из-за своей ветхости стоял в глуши, куда никто не заглядывал. Сюда попадали лишь те, кому совсем некуда было идти.

В столовой дедушка и бабушка выставили еду. Хлеб выглядел заплесневелым, молоко, казалось, давно прокисло, над столом кружили мухи. Дети ели жадно, не обращая внимания на свежесть — им было важно лишь набить желудок. В глазах окружающих их жизни ничего не стоили, да и они сами признавали свою никчёмность, выживая любыми способами: рылись в мусоре, воровали.

Я не хотел быть таким, как они. Я приходил сюда лишь для галочки, ведь дедушка с бабушкой

тайком приносили мне нормальную еду. В моих глазах они были самыми лучшими — они не заставляли меня есть эту гниль.

Я долго верил, что они любят меня.

Оглядевшись, я заметил Трейси. Она сидела в тёмном углу, и из-за плохого освещения я не мог разобрать выражение её лица.

Я нерешительно подошёл к ней — я боялся её, но помнил о задании брата Пирсона.

— Трейси... ты как? — спросил я почти шёпотом.

Она в ужасе обернулась:

— Нет-нет... это не я! Я не убивала свою мать, она сама заслужила это! Она убила человека, который так сильно любил нас с отцом!

Её взгляд был пустым. Робот в её руках был повреждён, с глубокими царапинами, золотистые волосы выглядели так, будто их кто-то рвал, а белое платье было испачкано краской.

— У меня есть дом, в детстве я была счастлива! Я не такая, как вы, никчёмные сироты! Не такая!

Её слова привлекли внимание других детей. Они начали жутко хихикать:

— Хи-хи, смотри, она не выдерживает наших мучений.

— Ха, она всё ещё воображает себя знатной дамой? Такая гордость меня просто бесит. Раз уж попала сюда, будь как мы.

— Тц, похоже, мы её недостаточно проучили. Надо показать ей, как здесь выживают.

— Целый день таскается со своими роботами, как с сокровищами, даже посмотреть не даёт. А я вот хочу посмотреть, да ещё и сломать их!

— Непослушные здесь плохо кончают.

Эти злобные, язвительные слова звенели у меня в ушах. Они... они зашли слишком далеко!

Трейси молча смотрела на них, а потом улыбнулась. Эту улыбку я не забуду никогда. Это была улыбка хищника.

— Трейси... — я потряс её за худое плечо. Она посмотрела на меня пустыми глазами.

— Что? Ты тоже хочешь причинить мне боль? Они все заслуживают смерти, правда? — она вцепилась в мою руку, и, несмотря на хрупкий вид, у неё оказалась нечеловеческая сила.

Моя рука болела, я отчаянно мотал головой. Она тихо вздохнула и отпустила меня. Погладив повреждённого робота, как нечто самое ценное в мире, она сверкнула глазами:

— Отец, я отомщу за твоих роботов. Пусть они тоже узнают, каково это — быть сломленными... хи-хи.

Я заподозрил, что она окончательно сошла с ума, но после этих слов её лицо снова стало

спокойным. Призрак безумия исчез.

— Ты... будешь есть? — осторожно спросил я.

— Разве это можно есть? — Трейси холодно усмехнулась. — Это еда для собак. Я не собака, зачем мне драться за объедки?

Её слова вызвали ещё больше ненависти. Трейси, казалось, не замечала ядовитых взглядов.

— Тогда... я принесу тебе что-нибудь поесть. Подожди меня.

Видя, что она снова в здравом уме, я побежал в свою комнату за едой, которую приготовили для меня дедушка и бабушка. Там было всего два паровых хлебца и стакан молока, но всё было свежим.

Я быстро вернулся. Увидев еду, Трейси удивлённо приподняла брови.

— Это дедушка с бабушкой приготовили специально для меня. Возьми, поешь.

Я протянул ей хлебцы, словно драгоценный дар.

— Ну конечно, у каждого есть свои корыстные цели, — насмешливо произнесла она. — Это приготовили для тебя, почему ты отдаёшь это мне? Мне не нужна ничья жалость.

Она смотрела на меня тяжёлым, пугающим взглядом.

Я стиснул зубы:

— Это не жалость. Мы же друзья... К тому же я сыт. Я не жалею тебя.

Услышав слово «друзья», Трейси замерла.

— Друзья... — пробормотала она.

Джокер [Экстра] Печаль клоуна понятна только маске (4)

Я кивнул, боясь, что эта маленькая принцесса снова разозлится. Она всегда срывала маски со всех уродливых истин.

Трейси улыбнулась:

— Мои друзья... все мертвы, — прошептала она мне на ухо, отчего по спине пробежал холодок. Она равнодушно пожала плечами: — Ты что, правда поверил? Маленький сумасшедший.

Она расхохоталась — громко и заливисто. Я внезапно почувствовал себя обманутым, но почему-то не разозлился.

— Я сумасшедший, а кто тогда ты? — спросил я, не зная, смеяться или злиться.

— Я? Я — Алиса, — прошептала она, приложив палец к губам.

— Ты что, пересмотрела Алису в Стране чудес? Если ты Алиса, значит, я — Безумный Шляпник? — я беспомощно смотрел на неё. В моих глазах Шляпник был довольно крутым

персонажем.

Трейси покачала головой:

— Ты не Шляпник. Ты просто маленький сумасшедший.

Маленький сумасшедший... опять.

Если бы она сказала это раз или два, я бы стерпел, но слышать это постоянно было невыносимо.

— Ты скоро закончишь? Почему ты постоянно называешь меня так?! Я же сказал, что не сумасшедший! — я начал терять терпение.

Это оскорбляло моё достоинство. Я не сумасшедший! Я не такой, как дедушка и бабушка! Я не такой!

Трейси изогнула губы в улыбке:

— Что ж, поживём — увидим.

В её голосе звучало спокойствие, будто ничто в мире не могло поколебать её — за исключением смерти родителей.

Я стиснул зубы:

— Поживём — увидим! — я сунул ей в руки хлебцы с молоком и ушёл. Я больше не хотел иметь с ней ничего общего. Она постоянно вызывала во мне бурю гнева.

Я вернулся в свою комнату и почувствовал себя таким одиноким, что хотелось выть. Кроме брата Пирсона, никому не было дела до моего существования.

Но я не сошёл с ума. Я был уверен в этом, ведь если кто-то обо мне беспокоится, значит, я в порядке.

Отдав свой обед Трейси, я проголодался, но решил потерпеть. Не впервой — когда я провинился или не слушался, дедушка с бабушкой часто оставляли меня без еды.

И всё же я верил, что они любят меня. Ведь говорят же, что чрезмерная опека вредна.

Разве я не смешон?

Сегодня должен был прийти брат Пирсон. Мне было скучно, и я решил подождать его у стены. Я уже научился угадывать время его появления.

Я прибежал к стене, с нетерпением ожидая его.

Через несколько минут показалась фигура Пирсона. В отличие от вчерашней печали, теперь на его лице сияла улыбка.

— Брат Пирсон, почему ты такой возбуждённый? — я почувствовал недоброе предчувствие.

Пирсон взъерошил мои кудри и просиял:

— Леди Эмма пригласила меня сходить с ней в одно место.

Я смотрел на него с недоумением:

— Леди Эмма?

— Это... та, кого любит Кричер... — замялся Пирсон.

Любит? Это та самая девушка, из-за которой он вчера так страдал?

— Тогда, брат Пирсон, обязательно постарайся поладить с леди Эммой, — я искренне желал своему герою счастья. Он был для меня как ангел.

Пирсон улыбнулся.

<http://bllate.org/book/18723/1810059>